ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-7-18

Н. Н. Гарунова

Крепость Кизляр как главный военный форпост Российского государства на Кавказе: строительство и перестройки крепости (XVIII в.)

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; garunovanina@mail.ru

Аннотация. На примере крепости Кизляр исследованы процессы, связанные с расширением территории России на восточном направлении, где главная роль принадлежала городам-крепостям. Первоначально они выполняли военные и административные функции, а позже и торгово-экономические.

Акцентировано внимание на том факте, что активное строительство фортификационных сооружений происходило при Петре I, который полагал, что присоединение к России Кавказских провинций очень важно для империи в политическом отношении. Укреплению контроля Российской империи над территорией Северного Кавказа способствовала трансформация крепостей в города.

На северокавказском фронтире была сформирована и апробирована такая управленческая модель, как крепость-город, – пограничное административное образование.

Сделан сравнительный анализ функционирования на Северном Кавказе Российских военно-административных центров в XVIII в. с форпостами, создававшимися другими европейскими государствами на окраинах мира. Схожесть между ними проявлялась не только в архитектурном устройстве фортификаций, но и в выполняемых функциях: они занимались интеллектуальным освоением новых территорий и их интеграцией в состав империи.

Приведены многочисленные материалы из архивохранилищ страны, которые дают понять, как осуществлялось выделение казенных денег на разного рода фортификационные работы в крепости Кизляр с 1735 по 1800 г. Крепость и город не просто были стратегическим военным форпостом Российской империи на Кавказе, но и играли большую роль в процессе осуществления кавказской политики России.

Ключевые слова: крепость, Северный Кавказ, Кизляр, казак, фортификация, фельшанц, бастион, гарнизон, казарма, комендант, российские укрепления, Святой Крест, Кизляр, англо-голландский образец фортификаций, Петр I.

Работа выполнена в рамках гранта Российского военно-исторического общества (по итогам Всероссийского конкурса на актуальные исследования в области исторической науки, 2025).

Введение

Начиная с XVI века на протяжении трехсот лет территория Северного Кавказа была местом, где происходил сложный и многомерный процесс вовлечения народов края сначала в сферу влияния, а затем и под власть России. В условиях постоянного

противостояния с Персией и Османской империей Российская империя стремилась целенаправленно и последовательно укрепить свое влияние в регионе. Следует отметить наличие центробежных тенденций у кавказских народов, но вместе с тем продвижение России в регион было оценено ими в основном положительно. Этот регион был неоднородным, мозаичным в этническом плане, поэтому установление власти России над этим краем порой велось жестокими методами.

Отдельные авторы обращались к данной тематике и рассматривали некоторые ее аспекты [1–10]. Данный вопрос еще не нашел полного освещения в исторической науке.

Большинство городов на территории нашей страны так или иначе выросли из крепостей и укреплений, на которые первоначально возлагались наступательные или оборонительные функции. В период продвижения империи на новые территории на присоединенных землях крепости охраняли границу. Если не складывались объективные условия, то крепости не перерождались в города. По мнению исследователя У. Цзыпэн, сам переход от крепости к городу как пограничной административной единице имел большое значение для развития и ассимиляции окраинных территорий в состав России. Апробировав на Северном Кавказе такой подход, Россия использовала его и дальше, на Черном море и территории Закавказья [10, с. 202].

В исторической науке, по мнению исследователя Р. Г. Букановой, следует использовать термин город-крепость. Это начальная форма становления многих городов России [2, с. 48].

Города Северного Кавказа в XVI – первой половине XIX в. формировались и вырастали из крепостей. Первоначально на них возлагались только военные и политические функции, для обороны центров от врагов и для соединения управления и власти, сборов налогов и контактов с местным населением. Позже у городов-крепостей появились социально-экономические и хозяйственные функции. Этот регион был важен для России еще и потому, что здесь проходили международные торговые транзитные пути.

После того, как Россия пришла в регион, для нее не было главной задачей защитить политическую независимость владетелей на Северном Кавказе. Россия стремилась защитить свои границы на юге и установить свою гегемонию, как и Иран, Турция и Крым [3, с. 5–12]. Присоединив новые территории, империя сразу закладывала первые крепости. Однако в последующий период строительство городов-крепостей шло уже в контексте строительства оборонительных линий, на которые возлагались функции борьбы не только с внешними врагами, но и с немирными горцами.

Еще в XVII в. правительство стремилось создать непрерывную цепь оборонительных линий по всей стране, так называемый своеобразный русский фронтир, который отделял районы юга, освоенные русским населением, от этнически разнородного местного населения. Это объясняет нам, почему именно на укреплённых линиях стали возникать десятки городов-крепостей.

При Петре Великом вопросы укрепления и обороноспособности страны были важной частью политики России, поэтому уделялось большое внимание новым крепостям, планам редутов, укреплений [2, с. 49].

На протяжении восемнадцатого столетия Россия продолжала строить крепости. При этом она не забывала о старых, соединяя их в кордонные линии укреплений. Со временем административные и военные укрепления на территории Кавказа стали узловыми пунктами Кавказской линии укреплений. В таких центрах были судебный, административный аппараты, военные склады и запасы продовольствия [2, с. 50].

Результаты и обсуждения

Для всего Кавказа важным событием стало строительство крепости Кизляр, которая на более чем вековой период стала в регионе главным политическим, культурным и экономическим центром. Появление этой крепости следует рассматривать в контексте тех политических событий, которые происходили на территории Северного Кавказа в начале XVIII века.

Изначально по проекту крепости, который представил В. Я. Левашов, планировалось построить ретраншемент.[1] Никакого грандиозного крепостного сооружения никто не планировал строить, к этому решению пришли позже.

Сначала предписывалось сделать ров с водой и ограду с западной и северной стороны, потому что с двух других сторон защитой должны были стать реки Кизлярка и Терек. Но эти реки не только не могли послужить защитой гарнизону, но и из-за частых разливов создавали сложности для населения, которое здесь разместилось. Поэтому было принято решение построить также крепостные стены и с южной и восточной части.

Кизлярская крепость отличалась от других российских крепостей. Изменения в фортификации были связаны с деятельностью Петра Великого. При продвижении на Кавказ возникла проблема – обустраивать российские гарнизоны приходилось в непривычных условиях. «Регулярное государство» не могло использовать старые населенные пункты или аулы, ранее вовлеченные в военных действий, для того, чтобы закрепиться на новых территориях. Ранее существовавшие там форпосты или городки также не могли выполнять стратегические задачи Петра, т. к. в основном использовались для увода денег от пошлин, разведки, как перевалочные пункты для встреч посольств или временные укрепления. У России, которая встала на путь европейской модернизации, была только возможность копировать опыт строительства фортификаций европейских колониальных империй. В этом причина схожести крепостей Святой Крест и Кизляр с голландскими, испанскими и португальскими крепостями [9, с. 84]. Хотя не всегда такие грандиозные крепости на Северном Кавказе были необходимы и вписывались в реалии времени.

Вызывает интерес статья профессора Д. С. Ткаченко, посвященная особенностям ранней урбанистики на Северном Кавказе [9]. Он отмечал, что на одинаковые черты в организации жизни кавказских опорных пунктов Российской империи и ранних европейских крепостей по всему миру указывал ряд российских авторов и военных, в частности Н. Н. Раевский, выполнявший функции начальника Черноморской береговой линии.[2]

Отдельные европейские путешественники, посещая Северный Кавказ, обращали внимание на схожесть административных центров России с теми крепостями, которые они видели на окраинах своих империй [9, с. 85].

Профессор Д.С. Ткаченко пишет, что по отношению к Северному Кавказу российские военные ведомства применяли не весь европейский фортификационный опыт, а только тот, который европейцы использовали, когда впервые приходили на новые земли и начинали там обустраиваться и строить крепости. В последующем, когда они закреплялись, создавали структуру для интеграции колонии в политическое и экономи-

[1] Ретраншемент – оборонительная ограда из фашин с глубоким рвом.

[2] Проект, составленный генералом Н. Н. Раевским в 1838 году о поселении на восточном берегу Черного моря прибрежных казаков // Кубанские ведомости. 1890. № 48.

ческое пространство европейской империи, изменялась модель населенных пунктов [9, с. 86].

При строительстве Кизлярской крепости учли опыт возведения крепости Святого Креста. Согласно планам, сохранившимся в ГАРД, она имела четко очерченную по европейским канонам организацию пространства как самой крепости, так и всех ее фортификационных сооружений.[3] По сути это был штерншанец, укрепление в форме звезды с заниженными профилями стен по голландскому и английскому образцу. Так же, как и голландские фортификации, крепость должна была располагаться на острове и иметь разветвленную сеть факторий, аванпостов, вспомогательных укреплений, отдаленных от нее [9, с. 87].

Гораздо более интересен вопрос о целесообразности постройки таких огромных и громоздких фортификационных сооружений, для которых на Северном Кавказе использовались ресурсы из центра.

Исследователь А. Куэсадо, изучая фортификации Испании в Америке, задавался вопросом, насколько целесообразно на неевропейских окраинах строить мощные каменные фортификации, отвечающие всем требованиям европейского военного искусства, если противник не имел равных с ними условий? Чтобы подавить недовольство местного населения, вероятно, хватило бы оборонительных казарм, башен, легких фортов.[4]

Возможно, поэтому крепость Святого Креста выглядела излишеством в регионе и разделила судьбу многих форпостов на окраинах мира, которые располагались в неудачном месте: весной 1735 года она была упразднена [7, с. 19].

После этого к выбору места под новую крепость стали относиться более ответственно. Крепость и возникший впоследствии возле нее город Кизляр отражали уже более новую, другую пространственную модель экспансии империи.[5] Если функции прежней крепости простирались в основном в Прикаспий, то Кизляр должен был распространить свое влияние на весь Центральный Кавказ, став своеобразной столицей России на Кавказе.

Крепость могла координировать связи между Кабардой и населением Кумыкской плоскости, и кроме того, здесь давно уже развивалась меновая торговля [3, с. 10].

Осенью 1735 года основное строительство кизлярской крепости было завершено. Она представляла собой грандиозное сооружение в виде пятиугольника с 5 бастионами и 3 равелинами.[6] Еще более, чем крепость Святой Крест, она была похожа на англо-голландский проект, а визуально схожа с канадской колонией Нова-Скотта.[7]

Ее окружали прочные стены с бойницами и сторожевыми башнями, земляной вал и глубокий ров, наполненный водой. Крепость имела пять фронтов (сторон), и три из них, обращенные в поле, были усилены равелинами, поскольку две другие стороны защищались дополнительно Тереком и Кизляркой. Длина одной стороны пятиугольника составляла примерно двести с половиной метров, высота главного вала (крепостной

[3] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 192. Оп. 1. Д. 21.

[4] Quesada A. Spanish Colonial Fortifications in North America. 1565–1822. – Oxford: Osprey Publ., 2010. – 68 p.

[5] Sarmento J. Fortifications, Post-colonialism and Power. – London – New-York: Routledge Publ., 2016. – 189 p.

[6] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 22.

[7] Chartrand R. The Forts of Colonial North America: British, Dutch and Swedish colonies. – Oxford: Osprey Publ., 2010. – 65 p.

стены) – около 6 метров, глубина главного рва – 3,5 м, толщина бруствера главного вала – 5,5 м, высота стен равелина – 4 м, толщина наружных построек (стен равелина) – 4,5 м. На стенах крепости были установлены пушки, у которых день и ночь дежурили часовые. Крепость имела трое ворот: северные, восточные и южные. К воротам примыкали подъемные мосты на чугунных цепях, убиравшиеся на ночь и в случае опасности. Возле ворот всегда находился сторожевой караул. Кроме казарм, где размещались команды гарнизона, на территории крепости было множество вспомогательных строений – провиантский и соляной магазин, каменная соборная церковь, колодец, постройки для специального военного назначения, острог [7, с. 243].

Предполагалось, что под защитой крепости будет построен и город, который в будущем станет играть важную роль на Кавказе. Как и европейские поселения в Новом Свете, Кизляр создавали по четкому архитектурному плану, по которому предусматривалось не просто разделить городское пространство строго геометрически, но и постараться, чтобы у представителей разных народов были отдельные кварталы.

Хотя кизлярский комендант подчинялся Государственной военной коллегии и военному губернатору Астрахани, в его руках находилась вся полнота власти в крае. Он боролся с работорговлей, переселением горских народов на равнину, обустраивал быт пленников, решал проблемы беглых, вступал в переписку с местными владетелями, осуществлял сбор сведений для центральных властей.

Став военным и административным центром в регионе, со временем Кизляр стал незаменим для горцев и как торгово-экономический центр. Вокруг него появились фактории, форпосты, меновые дворы. И. А. Гильденштедт описал редут Каргина: несколько человек, которые там располагались, следили за охраной границы, извещали о нападениях, осуществляли карантинные мероприятия и таможенные функции.[8] Здесь местные жители знакомились с различными сторонами уклада имперского центра.

Путешественники, посещавшие город Кизляр на рубеже XVIII–XIX вв., описывая уклад жизни местного населения и самого города, отмечали эти особенности.[9] Участники академических экспедиций, имевшие опорную базу в Кизляре, могли проводить конструирование политической и культурной географии новых территорий.

Российское правительство было заинтересовано в изучении новых территорий и получении информации от администрации. Требовались разного рода отчеты, данные картографии, описания, сведения о проживающих народах и их управлении. Такие документы сейчас хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Кизлярская крепость считалась хорошо укрепленной, и о ней знали далеко на Востоке.

Солдатская слобода находилась в нескольких сотнях метров к юго-западу от крепости (позже Русская слободка). Здесь жили отставные солдаты и военнослужащие, гражданские чиновники, инвалиды, солдатские жены и множество мещан. Здесь же были почтовая контора и станция. В первоначальном плане построения Кизляра этой части города не было, она застраивалась стихийно.

К сожалению, в фондах «Кизлярского комендантского архива», который находится в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, сохранилось мало до-

[8] Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 512 с.

[9] Журнал путешествия по земле Донских Казаков, к Кавказу и в Астрахань // Северный архив. 1824. № 20–22; 1825. № 9–12.

кументов, иллюстрирующих процесс строительства крепости в 1735 году. Есть лишь фрагменты, связанные с последующей перестройкой крепости и ее форпостов.

По мере роста Кизлярского военного гарнизона крепость несколько раз видоизменялась, расширяясь и укрепляясь. Сюда присылались лучшие инженеры-фортификаторы, но в основном ее строительство велось по проекту, разработанному в 1744 году инженер-генералом бароном Х. фон Люберасом. Полностью строительство крепости было закончено к концу 50-х годов XVIII в.

За все работы, связанные с фортификацией, отвечала инженерная команда, которая разместилась на территории крепости. В штате команды состояли инженер-поручик-капитан, кондукторы первого и третьего классов, инженер-прапорщик, писарь, слесарь, два плотника и три денщика.[10]

Начало перестройки Кизлярской крепости положил указ императрицы Елизаветы I от 2 сентября 1745 г., в котором излагались причины фортификационных работ для переноса Кизлярской крепости на новое место: «По указу Ея Величества велено делать новую Кизлярскую крепость, из рапорта инженер-майора Кутузова известно стало, что старая Кизлярская крепость еще в прошлую зиму, хотя поправлена точно, оная ныне к отпору неприятеля не в состоянии».[11]

В фондах Кизлярского комендантского архива сохранились документы, подробно освещающие практически весь ход работ по переносу Кизлярской крепости на новое место. Основной источник рабочей силы составлял рядовой состав Кизлярского гарнизона: по 200 солдат от каждого полка, в т. ч. из командированных из астраханского гарнизона пехотных и драгунских полков солдат и драгун. К руководству и надзору за работой солдат от гарнизонных полков привлекали капралов, унтер-офицеров во главе с обер-офицером.[12] Также от полков на работу направляли плотников, кузнецов и солдат, знающих плотничье, кузнечное, столярное и письменное дело, солдат-дернокладчиков и «кирпичей дельцев».[13] В строительных работах участвовали драгуны армянского и грузинских эскадронов. Кроме того, по приказу генерал-лейтенанта А. П. Девица к работам привлекались терские, гребенские казаки и плотники из числа казаков.[14]

В нашем распоряжении имеются сведения о количестве рабочих, участвовавших в переносе Кизлярской крепости на новое место: в 1745 г. – 400 солдат, в 1746 г. – 420 солдат, в 1747 г. – 1108 регулярных чинов и 359 казаков, в 1748 г. – 6392 регулярных чинов и 2320 казаков, в 1749 г. – 3141 солдат и 1238 казаков, в 1750 г. – 7888 солдат и 1501 казаков, в 1751 г. – 5968 солдат и 360 казаков.[15] Данные цифры свидетельствуют о том, что для правительства было важно создание мощной Кизлярской крепости как инструмента для реализации политики в данном регионе.

[10] Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 376. Оп. 1. Д. 11. Л. 78.
[11] Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 84. Л. 50.
[12] Там же. Д. 13. Л. 20; Д. 11. Л. 67, 29–30; Ф. 379. Оп. 1. Д. 96. Л. 62; Ф. 376. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 7; Ф. 339. Оп. 1. Д. 11. Л. 21; Д. 12. Л. 25; Д. 17. Л. 103–104; Д. 18. Л. 26; Д. 19. Л. 66, 70; Д. 20. Л. 57; Д. 33. Л. 6, 9, 11; Д. 35. Л. 50-51; Д. 58. Л. 34 об., 35; Д. 66. Л. 23, 52; Ф. 379. Оп. 1. Д. 314. Л. 1, 34; Д. 195. Л. 69–72.
[13] Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 89. Л. 4; Ф. 339. Оп. 1. Д. 66. Л. 35; Ф. 379. Оп. 1. Д. 123. Л. 109; Ф. 339. Оп. 1. Д. 58. Л. 8 об.
[14] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 35. Л. 50; Д. 58. Л. 34; Д. 3. Л. 64, 73–84; Ф. 379. Оп. 1. Д. 149. Л. 22; Ф. 376. Оп. 1. Д. 2. Л. 71–72.
[15] Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

Перенос Кизлярской крепости начался в 1745 г. и закончился в 50-х гг. XVIII в.[16] В фондах Кизлярского комендантского архива имеются многочисленные ведомости, содержащие сведения о ходе строительных работ по переносу Кизлярской крепости на новое место. В них сообщается о произведенных работах за месяц с указанием числа строителей, и что ими сделано в течение месяца, и сколько дней работали.[17] Перенос и строительство Кизлярской крепости на новом месте шли под руководством инженер-поручика Бузолева. [18]

Большинство строителей занималось возведением основных крепостных укреплений – бастионов, башен, крепостных ворот. Одновременно сооружали и земляные укрепления – главный, а затем и равелинные рвы и валы.[19] Земляные работы производились в летнее время, а основные строительные работы – в зимнее.[20] В фондах Кизлярского комендантского архива есть следующие записи о ходе земляных работ: «вынятая из главного рва земля шла на возведения вала и на ликвидацию низких мест, на каждую кубическую сажень определись людей в полные дни по 15, в субботные по 30 чел. Заготовленные в лесу дерн, фашины, колья доставлялись к месту земляных работ, которые использовались для укрепления круглости главного и равелинного рва и валов».[21]

После сооружения крепостных укреплений стали возводиться и другие постройки: комендантский дом, здания гражданской и генеральной канцелярии, солдатские и генеральские казармы, штабские, офицерские квартиры; провиантские, фортификационные магазины, артиллерийские цейхгаузы, деловой двор, фортификационная кузница, гауптвахта, инженерные покои, конюшни, пороховые погреба, колодцы, таможня и др.[22] Крыши строений делали из плетня, который вымазывался землей с глиной.[23]

После окончания строительства Кизлярской крепости старая была ликвидирована. Названия бастионам и равелинам давались на основе указов императрицы. По указу Елизаветы I от апреля 1748 г. «о именовании званий здесь равелинов – по представлению генерал-лейтенанта А. П. Девица, а именно: против астраханских ворот – астраханским; против гребенских ворот – гребенским, а между астраханских и грузинских ворот – грузинским, в которых по принятию их от строителей по указу генерал-лейтенанта А. П. Девица установлены пушки в 2-х равелинах».[24]

---

[16] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 17. Л. 74; Ф. 376. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.

[17] Там же. Д. 14. Л. 40–42; Д. 17. Л. 42–44; Д. 18. Л. 30, 37; Д. 19. Л. 72–73, 80; Д. 30. Л. 76–79; Д. 35. Л. 36–38; Д. 54. Л. 25–27; Д. 66. Л. 72–74; Д. 18. Л. 12; Ф. 379. Оп. 1. Д. 128а. Л. 816; Д. 176. Л. 33–35; Д. 195. Л. 69–72; Д. 193. Л. 71–74; Д. 174. Л. 90; Д. 128а. Л. 29–30; Д. 55. Л. 40.

[18] ЦГА РД. Д. 42. Л. 81–82.

[19] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 13. Л. 88-89; Д. 14. Л. 40–42; Д. 17. Л. 42–44; Д. 18. Л. 12, 30, 37; Д. 19. Л. 72–73, 80; Д. 30. Л. 76–79; Д. 35. Л. 36–38; Д. 54. Л. 25–27; Д. 66. Л. 72–74; Ф. 379. Оп. 1. Д. 128. Л. 29–30; Д. 128а. Л. 8–16; Д. 176. Л. 33–35; Д. 193. Л. 71–74; Д. 195. Л. 69–72; Д. 178. Л. 90.

[20] Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 128а. Л. 8–16.

[21] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 66. Л. 46; Д. 13. Л. 76; Ф. 379. Оп. 1. Д. 195. Л. 69–75; Ф. 376. Оп. 1. Д. 6. Л. 89, 77.

[22] Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 2. Л. 116, 70, 42; Д. 3. Л. 14; Ф. 339. Оп. 1. Д. 54. Л. 96–98; Д. 58. Л. 6, 65–66.

[23] Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 128а. Л. 8–16.

[24] Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14; Ф. 339. Оп. 1. Д. 19. Л. 46.

Таким образом, новая Кизлярская крепость превратилась в мощное оборонительное укрепление, которое вместе со своими форпостами обеспечивало надежную защиту южных рубежей. Кроме переноса на новое место Кизлярской крепости инженерная команда занималась главным образом постройкой и ремонтом различных фортификационных сооружений в Кизляре. По указу Анны I для укрепления обороны Кизлярской крепости в 1738 г. у реки Терек было начато строительство транжемента.[25]

В 1748, 1750, 1755, 1758, 1767, 1782 и 1786 гг. сооружались дополнительные провиантские амбары и солдатские казармы. В сентябре 1781 г. для Кизлярского 2-го батальона была построена гарнизонная школа. В 1790 г. вместо старой была возведена новая каменная гауптвахта. В 1796 г. начинается возведение нового госпиталя для военнослужащих, содержать который были обязвны жители Кизляра.

Строительными работами в Кизлярской крепости занимались не только Кизлярская инженерная команда, но и частные подрядчики. В роли подрядчиков выступали купцы. Так, в царствование императрицы Елизаветы I купец Шевратов построил в Кизляре каменные ворота. В 1782 г. саратовским купцом Никитой Шехватовым в Кизляре были построены 3 казармы, 2 магазина, цейхгауз и лазарет.[26]

Основная масса строителей состояла из военных чинов Тенгинского пехотного полка и гребенских, семейных и терских казаков. Регулярные военные чины были командированы от Кизлярского и терского гарнизонов. Казаки занимались сооружением земляных укреплений – вынимали из рва землю, а затем земляной вал укрепляли фашинами и выкладывали на него дерн. Для строения казарм и офицерских покоев гребенские казаки заготавливали и доставляли камень.

Также в Кизляре ремонтировались аманатные дворы, почтовый двор, конюшни, полковые и гарнизонные цейхгаузы, казенные таможенные лавки, казенные транспортные средства, полковая церковь, пороховые погреба. Большой объем работ требовалось выполнить, чтобы отремонтировать земляные укрепления крепости с внешней стороны. Причинами постоянных разрушений, по сведениям ремонтных бригад, были плохие погодные условия, скот и жители Кизляра. Крупные работы согласно документам прошли в августе 1782 года: на наружном бруствере клали дерн и сверху насыпали землю.

Кроме того, инженеры постоянно следили за состоянием крепостных подъемных мостов и ворот и при выявлении поломок сразу же устраняли их. В обязанность инженерной команды входило осуществление ремонтных работ в комендантском доме, в покоях генерал-лейтенанта А. П. Девица, а также в гражданской и комендантской канцеляриях. Они же занимались ремонтом генералитетской, комендантской и офицерской мебели.

Кизлярская инженерная команда занималась фортификационными работами – укреплением берегов реки Терек, чтобы предотвратить половодье на Кизлярском тракте.[27] Для укрепления Кизлярской крепости весной 1744 г. начали рыть канал «длиной 14 сажень, шириной 4 сажени, глубиной 8 футов» вверх по реке Терек. Этот канал обеспечил безопасность транжемента и защитил Кизлярскую крепость от наводнений. Вместо обветшавшего из-за наводнений Терского редута правительство решило построить Фельшанскую крепость.

[25] Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Ф. 376. Оп. 1. Д. 17. Л. 89.
[26] ЦГА РД. Ф. 379. Д. 128. Л. 29–30.
[27] Там же. Д. 277. Л. 28; Ф. 376. Оп. 1. Д. 21. Л. 52.

Коменданту Бунину поступали донесения о том, как проходили строительные работы: «2-й линии построен амбар, солдатские 3 казармы и комендантский дом землею крыты, прибывшими плотниками 10 человек возводят городские ворота, бастионы, сделан пороховой погреб, а также из Терского редута в фельшанец переведены: 5 офицерских светлиц, избы, солдатские казармы, наводится бруствер и наружной крутости вала, высыпается на низком месте, чтоб от озера не отошла вода, ныне внутренняя крепость наведена, только еще не обрезана». Кизлярский комендант периодически получал информацию о том, что требовалось во время строительства и какие сложности возникали.

Особое внимание при проведении фортификационных работ уделялось земляным работам. Например, комендант фельшанца неоднократно доносил коменданту Кизляра, что из-за наводнения вокруг крепости разрушаются земляные укрепления и вода заходит в город, и просил принять меры

Было принято решение летом 1751 г. при фельшанце начать укреплять вал. Этим занималась Кизлярская инженерная команда.

Хранящиеся в фонде Кизлярского комендантского архива документы освещают строительство не только крупных фортификационных сооружений, но и внутренних гарнизонных построек, таких, как солдатские казармы, офицерские квартиры, провиантские амбары, госпитальные постройки. В документах содержится информация об используемых материалах и их количестве, о сложностях, с которыми сталкивались строители, и т. д.

На территории крепости и в казачьих городках шли строительные работы, на которые тратились немалые казенные деньги. Но это было необходимо: таким образом были усилены форпосты и созданы условия для укрепления обороноспособности границ России на юге. Была специально сформирована инженерная денежная казна, которая предназначалась для осуществления фортификационных работ и оплаты инженерным служителям. Инженерная денежная казна состояла из фортификационной и казарменной сумм.

Заключение

Таким образом, анализируя историю создания и функционирования на Северном Кавказе российских военно-административных центров в XVIII в., можно проследить их явное сходство с форпостами, создававшимися другими европейскими государствами на отдаленных рубежах. Оно проявлялось не только в архитектурном устройстве фортификаций, но и в выполняемых ими функциях. Они должны были способствовать освоению новых территорий и их интеграции в Российскую империю.

Казенные деньги, выделенные на работы по фортификации крепости Кизляр с 1735 по 1800 годы, помогли усилить крепость как важный стратегический военный пункт России на Кавказе. Со временем город-крепость, сформировавшийся как военный форпост России на Кавказе, стал центром русско-северокавказских экономических и политических взаимоотношений.

Литература

1. Абдулаев, К. А. «Добрым порядком разобрать и вас всех примирить»: новые реалии российской политики на Северном Кавказе в 30–50-е годы XVIII в. / К. А. Абдулаев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 40, № 3. – С. 23–30.

2. Буканова, Р. Г. Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в / Р. Г. Буканова, Д. С. Кидирниязов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 4 (33). – С. 48–53.

3. Гарунова, Н. Н. Развитие транспортной инфраструктуры в процессе хозяйственного освоения юга России в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Н. Н. Гарунова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 1. – С. 5–12.

4. Газиева, А. А. Сулакская военная линия и кумыкский кордон: история строительства и военно-стратегическое значение / А. А. Газиева, М. М. Вагабов, М. Озтюрк // Вопросы истории. 2023. № 1-2. – С. 64–69.

5. Газиева, А. А. К вопросу о предпосылках и первом этапе создания укреплений левого крыла Кавказской кордонной линии / А. А. Газиева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2020. № 79. – С. 20–23.

6. Герман, Р. Э. Историческая роль крепостей в освоении Северного Кавказа Россией в конце XVIII – первой половине XIX века / Р. Э. Герман // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 5. – С. 20–24.

7. Киняпина, Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII–80-е г. XIX в.) / Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 328 с.

8. Магарамов, Ш. А. Российский фронтир на Северном Кавказе: проблемы периодизации / Ш. А. Магарамов // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 4 (32). – С. 17–29.

9. Ткаченко, Д. С. Особенности ранней урбанистики на Северном Кавказе: по материалам обозрений крепостей Святой Крест и Кизляр в XVIII в. / Д. С. Ткаченко // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 ч. / отв. ред. В. М. Грусман; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. – Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2023. – Ч. 1. – 270 с.

10. Цзыпэн, У. Крепость – город – пограничная административная единица: модель управления на Северо-Кавказском фронтире России в XVIII веке / У. Цзыпэн // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8, № 1. – С. 201–209.

References

1. Abdullayev K. A. "To sort things out in a good order and reconcile you all": new realities of Russian policy in the North Caucasus in the 30–50s of the 18th century // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2025. Vol. 40, no. 3. – Pp. 23–30.

2. Bukanova, R. G. Features of the emergence of fortified cities in the Southern Urals and the North Caucasus in the 16th – first half of the 19th century / R. G. Bukanova, D. S. Kidirniyazov // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2016. No. 4 (33). – Pp. 48–53.

3. Garunova N. N. Development of transport infrastructure in the process of economic development of the south of Russia in the late 18th – first half of the 19th centuries // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17, no. 1. – Pp. 5–12.

4. Gazieva A. A., Vagabov M. M., Ozturk M. Sulak military line and Kumyk cordon: history of construction and military-strategic significance // Questions of history. 2023. No. 1–2. – Pp. 64–69.

5. Gazieva A. A. On the prerequisites and the first stage of the creation of fortifications of the left wing of the Caucasian cordon line // Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 79. – Pp. 20–23.

6. German R. E. The Historical Role of Fortresses in the Development of the North Caucasus by Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Century // Manuscript. 2020. Vol. 13, no. 5. – Pp. 20–24.

7. Kinyapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. The Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy (Second Half of the 18th – 80s of the 19th Century). – Moscow: Publishing House of Moscow University, 1984. – 328 p.

8. Magaramov, Sh. A. Russian Frontier in the North Caucasus: Problems of Periodization / Sh. A. Magaramov // Journal of Frontier Studies. 2023. Vol. 8, no. 4 (32). – Pp. 17–29.

9. Tkachenko D. S. Peculiarities of Early Urbanism in the North Caucasus: Based on Surveys of the Holy Cross and Kizlyar Fortresses in the 18th Century // The North Caucasian City as a Space of Socioeconomic Development and Intercultural Dialogue (on the 300th Anniversary of Nalchik): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, September 28–30, 2023): in 2 parts / ed. V. M. Grusman; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. – Nalchik: Kabardino-Balkarian University, 2023. – Part 1. – 270 p.

10. Zipeng Wu. Fortress-city-border administrative unit: governance model on the North Caucasian frontier of Russia in the 18th century // Historical Bulletin. 2025. Vol. 8, no. 1. – Pp. 201–209.

Поступила в редакцию 7 июля 2025 г.
Принята 21 июля 2025 г.

UDC 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-7-18

Kizlyar Fortress as the Main Military Outpost of the Russian State in the Caucasus: Construction and Reconstruction of the Fortress (18th Century)

N. N. Garunova

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; garunovanina@mail.ru

Abstract. The example of the Kizlyar fortress is used to study the processes associated with the expansion of Russia's territory in the eastern direction, where the main role belonged to the fortress cities. Initially, they performed military and administrative functions, and later trade and economic ones.

Attention is focused on the fact that active construction of fortifications took place under Peter I, who believed that the annexation of the Caucasian provinces to Russia would be a very important

political process for the empire. Strengthening control of the Russian Empire over the territory of the North Caucasus was also associated with the process of transition of fortresses into cities.

On the North Caucasian frontier, such a management model as a fortress-city-border administrative entity was formed and tested.

A comparative analysis of the functioning of Russian military-administrative centers in the North Caucasus in the 18th century is made, with outposts created by other European states on the outskirts of the world. The similarity between them was manifested not only in the architectural structure of the fortifications, but also in the functions performed, aimed at the intellectual development of new territories and their integration into the empire. Numerous materials from the country's archives are provided, contributing to understanding how the financing of state money for various types of fortification work in the Kizlyar fortress was carried out from 1735 to 1800. The fortress and the city were not just a strategic military outpost of the Russian Empire in the Caucasus, but also played a major role in the process of implementing Russia's Caucasian policy.

Keywords: Fortress, Northern Caucasus, Kizlyar, Cossack, fortification, felshanz, bastion, garrison, barracks, commandant, Russian fortifications, Holy Cross, Kizlyar, Anglo-Dutch fortification model, Peter I.

Received 7 July, 2025.
Accepted 21 July, 2025.